

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т41

Художественное оформление серии
Константина Гусарева

Иллюстрация на обложке
Ивана Иванова

Тимошенко, Наталья Васильевна.

Т41 Сотканная из тумана / Наталья Тимошенко, Лена
Обухова. — Москва : Эксмо, 2019. — 352 с.

ISBN 978-5-04-103434-4

Войтех Дворжак и его команда основали Институт исследования необъяснимого. Теперь они рассматривают заявки всех, кто столкнулся с явлениями, несомненно имеющими мистическую природу. На этот раз друзьям предстоит выяснить, что за сущность поселилась в далекой глухой деревне. Но как обнаружить то, что появляется ночами под покровом тумана и убивает, практически не оставляя следов?

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-103434-4

© Обухова Л., Тимошенко Н., текст, 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Пролог

15 сентября 2015 года

Санкт-Петербург

Квартира находилась в большом старом доме и выходила окнами на реку, названия которой Войтех не помнил. Эти три параллельные речушки — одна из которых вроде бы считалась каналом — казались ему абсолютно одинаковыми. Войтех родился и вырос в Чехии, в двадцать пять переехал в Москву и прожил в ней десять лет, а в Санкт-Петербург перебрался всего пару месяцев назад, поэтому считал, что имеет право чего-то не знать и не во всем разбираться.

Жили в этой квартире две девушки-студентки лет двадцати, не более. Обе встретили мужчин на пороге, испуганно держась друг за дружку.

— Добрый день, мы сотрудники Института исследований необъяснимого, меня зовут Войтех, это Иван, — первым представился Войтех, кивнув на сопровождавшего его высокого блондина Ваню Сидорова. — Рассказывайте, что у вас произошло.

Девушки, казалось, испугались еще сильнее, хотя сами прислали в Институт целых две заявки, от которых, кстати, Войтех не чувствовал ничего странного, но Иван так настаивал на посещении этой квартиры, что ему пришлось согласиться.

— Кажется, у нас поселился полтергейст, — шепотом произнесла одна из студенток, представившаяся Алиной, когда мужчины вошли в квартиру и закрыли за собой дверь.

— Кажется или поселился? — широко улыбнулся Ваня.

От Войтеха не укрылось, как он молодецки повел плечами, явно красуясь перед девушками. Можно подумать, они до этого от него глаза отводили. Ваня никогда не упускал случая произвести впечатление на барышень. Даже если они на тринадцать лет его младше.

— У нас иногда загораются вещи, — продолжила Алина, проводя их в комнату, где, по ее словам, все и происходило. — Ни с того ни с сего. То книги, то тетради.

— То даже просто обои на стене, — добавила ее подруга. — Вот здесь.

Она указала на небольшой столик у одной из стен. Сейчас он был пуст, но обои возле него действительно выглядели обугленными. Пока Ваня осматривал почерневшее место, Войтех быстро прошелся по комнате. Она была большой, с высокими потолками, старой мебелью и огромным окном. Девушки не стали занавешивать его, а потому вся комната была залита еще довольно теплым сентябрьским солнцем.

— Этот полтергейст еще как-нибудь себя проявляет? — спросил Войтех, медленно стягивая с правой руки перчатку.

Девушки переглянулись и качнули головами.

— Иногда по ночам как будто стучит что-то, вещи сами собой меняют местоположение. Но самое страшное — это поджоги. Летом было проще, каникулы, а те-

перь мы даже на лекции ходим по очереди, чтобы дома всегда кто-то был. А то еще пожар начнется.

— А какая-то система у поджогов есть? — задал вопрос Ваня, закончив с обследованием стены. — Когда чаще? Утром, вечером?

Студентки снова переглянулись.

— Утром, кажется, — неуверенно произнесла Алина. — Вечером не помню.

— Вечером не было ни разу, — подтвердила ее подруга.

Ваня тоже прошелся по комнате, рассматривая обстановку, а затем приблизился к Войтеху.

— Чувствуешь здесь что-нибудь? — шепотом спросил он.

— Абсолютно ничего, — заверил тот. — И даже видений нет.

Ваня кивнул, как будто этого и ожидал, затем подошел к окну, потрогал руками стоящие в хрустальной вазе уже подсохшие цветы.

— Ой, смотрите, смотрите! — внезапно взвизгнула Алина, указывая рукой на стену.

Мужчины повернулись к ней: на стене, рядом с почерневшими обоями, светилось яркое пятно, радужно переливаясь по краям. От обоев действительно шел едва заметный дымок, и они уже начали обугливаться. Войтех первым оказался у стены и поднес к ней незащищенную перчаткой руку, но еще до того, как коснулся ее, ощутил жар. Он оглянулся на Ваню. Тот кивнул и усмехнулся.

— Эта ваза всегда стоит тут? — спросил он у ошарашенных девушек.

Те даже не сразу поняли, о чем он.

— Да, — наконец кивнула Алина. — Это ваза моей бабушки. Досталась мне вместе с квартирой. Мы нашли ее в кладовке, когда Настя переехала ко мне и мы искали место для ее вещей. Она показалась нам красивой, и мы поставили ее на подоконник. А что?

— Как давно?

— Ну... — Алина задумалась. — Настя переехала ко мне в конце мая, значит, где-то тогда и нашли.

— И полтергейст начал проявляться тогда же?

— Вы думаете, полтергейст привязан к вазе? — испуганно спросила Настя. Было видно, что ваза ей уже не очень нравится.

— Уверен, — хмыкнул Ваня. — Напомните, вы на кого учитесь?

— Мы лингвисты, — отозвалась Алина, все еще ничего не понимая.

— То есть с физикой не очень дружите?

— Иван, хватит, — оборвал коллегу Войтех, хотя сам с трудом сдерживал улыбку. — Просто расскажи им, в чем дело.

Ваня демонстративно вздохнул, взял вазу в руки и отошел от окна. Обои тотчас перестали гореть.

— Дело в том, мои дорогие лингвисты, что ваша ваза — своего рода линза. И когда солнечный свет попадает на нее, она фокусирует его на стене или на столе — в зависимости от угла падения. Солнце же не движется по небу одинаково изо дня в день. Направленный поток света и воспламеняет книги, тетради, обои и все, на чем сходится. Понимаете?

Девушки медленно кивнули.

— Мы в детстве так дедушкиными очками бумагу поджигали, — произнесла Алина.

— Вот именно, — улыбнулся Ваня. — Так что расслабьтесь, никакого полтергейста у вас нет. Вазу только нужно с подоконника убрать.

— А как же скрипы и перемещения предметов? — не сдавалась Настя.

— Вы когда-нибудь видели, как они перемещаются? — поинтересовался Войтех.

— Нет. Просто иногда я точно знаю, что положила что-то в определенное место, а потом его там нет.

— Вы живете вдвоем, вполне возможно, что-то автоматически перекладываете друг за другом, но это не запоминается. А скрипы — дом старый, здесь какие угодно звуки могут быть. Это нормально.

Девушки наконец расслабленно заулыбались.

— Спасибо вам! — горячо поблагодарила Алина. — Может быть, выпьете с нами чаю? Мы пирог вкусный испекли.

— Спасибо, у нас еще много работы, — первым отказался Войтех, за что и поплатился, едва они с Ваней вышли из квартиры студенток.

— Совести у тебя нет, — буркнул тот. — Мало того что дело — скучная пустышка, так еще и пожрать не дал в компании молодых и красивых хозяек!

— Совести у меня нет, — невозмутимо кивнул Войтех. — Я думал, ты это давно уже понял.

Ваня недобро посмотрел на него и продолжил канючить:

— Когда ты меня звал в эту организацию, говорил, что будет интересно. А у нас интересных дел одно на сотню.

— Во-первых, я тебя не звал, — педантично поправил Войтех, спускаясь по широким ступенькам. — Ты

сам пришел. И тогда, когда я собирал команду любителей, и теперь, когда мы стали официальной организацией. А во-вторых, кто тебе говорил, что всегда будут интересные дела?

— Но раньше-то всегда были.

— Я вас просто звал на интересные. Пустышки отсеивал сам. И да, их было девяносто девять процентов.

Ваня тяжело вздохнул, поправил на плече сумку с приборами для исследования, которые так и не пригодились, и тоже шагнул на лестницу.

— Что у нас дальше?

— Дальше ты встречаешься с Невом, и вы вдвоем едете на Полуостровский проспект, проверять заявку какой-то старушки о том, что ее якобы изводит соседка-ведьма.

— Полуостровский проспект, — недовольно повторил Ваня. — Кто такие названия придумывает-то?

Войтех ничего не ответил, но был с ним согласен. Новые названия давались ему с трудом. Чего только стоит название улицы, где располагается Институт исследований необъяснимого — Ораниенбаумская! Этот город все еще оставался для него чужим, хоть и был родным для его девушки. Новая организация отнимала много сил и времени, работа еще не была окончательно налажена. Заявки чаще всего оказывались пустышками, а то и вовсе намеренной мистификацией.

Однако, несмотря ни на что, вот уже несколько месяцев подряд Войтех, на удивление, был счастлив.

Глава 1

*16 августа 2015 года
Пермский край*

Летняя ночь в деревне наступает поздно. Даже в середине августа, когда солнце клонится к закату много раньше, чем месяц назад, до девяти вечера жители по домам не расходятся. Пока еще светло, нужно управиться со скотиной, убедиться, что все сараи и курятники заперты. Близость леса накладывает свой отпечаток: звери иногда забредают в деревню полакомиться курятиной или крольчатинной. В самые голодные годы не спасают даже собаки, а порой и сами становятся жертвой оголодавшего волка.

Илья Пантелеевич Горбушкин еще раз обошел двор, убедился, что и хлев, и крольчатник тщательно заперты. Оглянулся воровато по сторонам, проверив, не видит ли его внук, и шагнул к курятнику. Запирать последний было обязанностью шестнадцатилетнего Алешки, гостившего у него все лето, но тот порой забывал это сделать, а на деда обижался, когда Илья Пантелеевич перепроверял за ним. Вот и сейчас длинная палка, которая клалась в специальные крюки по обе стороны двери и таким образом не давала распахнуть ее никому, кроме человека, стояла в углу. Илья Пантелеевич покачал головой, тщательно запер курятник и направился к дому.

— Кажись, гроза собирается, а, Пантелеич? — окликнул его сосед Степан.

Илья Пантелеевич остановился, посмотрел на небо, которое с запада действительно затягивала черная туча: большая, густая, она плотной тканью ложилась на верхушки деревьев, цепляясь за них и как будто немного застревая. Двигалась медленно, может, дойдет, а может, и зависнет над рекой, подумает немного, да и развернется обратно. Такое бывало часто. Деревня стояла в низине, с трех сторон окруженная лесом, а с четвертой — необычайно широкой в этом месте Камой, за которой тоже, насколько видно глазу, простирался лес, а потому климат в ней был свой, особенный, не сравнимый даже с ближайшими поселениями.

— Кажись, — на всякий случай кивнул Илья Пантелеевич, подходя ближе к забору, разделяющему два участка.

Спорить со Степаном всегда было затеей глупой. Тот только и ждал повода доказать собеседнику свою правоту, порой меняя мнение по ходу разговора, если вдруг оппонент начинал с ним соглашаться. Степан сидел на пороге своего дома, зажав между пальцами папиросу, и то и дело выпускал в воздух струю сизого дыма, который, вопреки законам природы, не поднимался вверх, а зависал перед самым его лицом.

— Может, еще и пронесет, — тут же отозвался Степан, поняв, что спорить с ним сосед не намерен.

— Может, — снова согласился Илья Пантелеевич. — А ты чего здесь сидишь?

— Да сейчас папиросу выкурю и пойду. Завтра рано на базар собираюсь. Медку немного собралось, продать надо.

Илья Пантелеевич понимающе кивнул. Раньше пасеки в деревне держали несколько человек, меду всегда было много, за ним даже из Краснокамска приезжали, а то и из самой Перми. А теперь из пчеловодов только Степан и остался. Ради пары литров меда никто не приедет, приходится ему самому возить. Да и деревни самой почти не осталось. Недавно на собрании считали, всего восемнадцать домов жилых, и в тех кое-где всего по одному человеку.

Илья Пантелеевич махнул рукой своим мыслям, попрощался со Степаном и направился к дому.

Алешка смотрел телевизор. Из комнаты доносились звуки ревущих машин и залпы выстрелов, из чего Илья Пантелеевич сделал вывод, что показывают какой-то боевик. Боевики внуку нравились. Самому Илье Пантелеевичу было все равно что смотреть, по большей части он не поспевал за действием современных сериалов и фильмов, путался в героях, поэтому смотрел ради картинки. В свои семьдесят два года он чувствовал себя достаточно молодым: читал книги, разгадывал кроссворды в газете, которую раз в неделю привозили в деревню, любил поиграть в домино или карты со старым другом Матвеем Гавриловичем, только кинематограф не понимал. Нынче создатели фильмов не дают зрителю времени обдумать и разложить по полочкам сюжет.

Алешка был младшим сыном дочки Тамары, пятый внук из шести, жил в Перми, но каждые каникулы проводил в Дубках. Внук болел астмой, поэтому только здесь, вдали от цивилизации, в деревне, затерянной среди могучего леса, мог нормально дышать. Даже лекарствами не пользовался. Другие внуки приезжали нечасто, без «интырнета» своего прожить не могли ни

дня, а Алешка с детства больше всего уважал книги, ему пожить в Дубках было за счастье. Была бы школа нормальная, совсем переехал бы, а так какое образование тут получишь? Нет, школа в Дубках есть, да на всю ее два учителя и шесть учеников. Из тех, кому податься некуда. Когда-то все не так было, конечно. И домов много, и учеников, да сколько лет с тех пор прошло.

Илья Пантелеевич снова махнул рукой мыслям.

— Что показывают? — поинтересовался он, входя в комнату к внуку.

Тот лежал на диване, щелкал большие тыквенные семечки и с удовольствием таращился в телевизор.

— «Грань будущего», — отозвался Алешка, повернув голову к деду, но глазами стараясь следить за происходящим на экране. — Садись, посмотришь. Тут про чувака, который каждый раз умирает и снова возвращается в тот день, когда умер. Должен что-то изменить, но пока не знает как. Типа «Дня сурка».

Илья Пантелеевич кивнул, хотя ничего не понял. На экране сражались даже не люди, а какие-то роботы, темная картинка, которую с трудом различали близорукие глаза, менялась так стремительно, что быстро разболелась голова. Илья Пантелеевич посмотрел ровно полторы минуты, а затем потрепал внука по волосам и сказал:

— Пойду я спать, Алешка. Ты тоже долго не сиди, завтра надо бы пораньше встать, чтобы до обеда еще сено привезти. Над рекой уже подсохло, пойдут дожди — сгниет.

Алешка кивнул, тронул деда за руку и продолжил смотреть кино.

Гроза ночью действительно разразилась. Да только не такая, как всегда, а странная, необычная, пугающая. Илья Пантелеевич проснулся от сильного воя, как будто прямо за его окном выла собачья стая. Алешка уже сидел на кровати, непонимающе оглядываясь по сторонам. За окном было совсем темно, только изредка вспыхивали молнии, разрезая черное небо пополам, и тут же гасли. Дождь еще не начался.

— Деда, что это? — испуганно спросил Алешка, увидев, что Илья Пантелеевич тоже поднял голову с подушки. — Воет что-то.

Теперь, когда мозг окончательно проснулся, Илья Пантелеевич понял, что ничего подобного не слышал в своей жизни. Он не был охотником, но прожил в этих местах все семьдесят два года, зверей знал неплохо. Никто из них таких звуков издавать не мог.

Илья Пантелеевич встал с кровати и осторожно приблизился к окну, отодвинул занавеску. Над лесом ярким заревом полыхало небо, но грома слышно не было. Либо гроза еще находилась далеко, либо раскаты тонули в непрерывном вое.

Сильный стук в дверь заставил вздрогнуть и деда, и внука.

— Пантелеич! — тут же послышался взволнованный голос соседа Степана. — Пантелеич, проснись!

— Да чтоб тебя! — выдохнул сквозь зубы Илья Пантелеевич и поторопился в сени.

Степан стоял на пороге, в штанах и рубахе, но босой.

— Чего тебе не спится? — ругнулся на него Илья Пантелеевич. — Грозы не видел?

— Иди сам посмотри!